

УДК 322

ЗДОРОВЬЕ «ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА»

Ратьковский Илья Сергеевич
к.и.н., доцент кафедры Новейшей истории России
исторического факультета СПбГУ

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия*

В статье дается медицинский анализ биографии организатора ВЧК Ф.Э.Дзержинского. В статье рассмотрены все известные случаи болезни Дзержинского и организация его лечения. В статье всесторонне изучено влияние жизненных испытаний и напряженной работы на состояние его здоровья

Ключевые слова: Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКИЙ, ВЧК, ОГПУ, ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ, БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

UDC 322

HEALTH OF FELIX DZERZHINSKY

Ratkovsky I.S. Ph.D. in History, Associate
Professor, Saint-Petersburg State University

*Saint-Petersburg State University, Saint-
Petersburg, Russia*

The article gives the medical analysis of the biography of F.E. Dzerzhinsky – the organizer of Cheka. All known cases of medical disorders of Dzerzhinsky and organization of his medical treatment are investigated in the article. Influence of trails of life and lucubration to his health condition are studied comprehensively

Keywords: FELIX DZERZHINSKY, CHEKA, ОГПУ, HISTORY OF THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN RUSSIA, ILLNESS, AND DEATH FELIX DZERZHINSKY

30 августа (11 сентября) 1877 г. в семье Елены и Эдмунда-Руфина Дзержинских родился шестой ребенок. Роды начались преждевременно, после того как беременная женщина, вечером занимаясь хозяйством, неожиданно провалилась в открытый люк погреба и сильно ушиблась. Несмотря на опасения, роды завершились благополучно и для новорожденного и роженицы. Отметим, что помимо удачного родоразрешения, мальчик родился в «рубашечке», что также считалось признаком счастливой судьбы. Единственно возможным последствием для ребенка стала определенная возбудимость и нервозность, а для матери всепоглощающая любовь, казалось бы, к уже потерянному сыну. Родившегося назвали Феликсом, что по латыни (felix) означает «счастливый, преуспевающий, плодородный».

Возможна, и иная версия происхождения имени Феликс — в честь дяди, Феликса Иозефовича Завадского, который оказывал финансовую помощь семье. Отметим, что традиция Дзержинских давать имена детей в честь родственников отчетливо видна. Старший сын четы Дзержинских,

Витольд (умерший в младенчестве), был назван в честь Витольда Забельского, родного брата Казимиры Янушевской, дяди Елены Дзержинской. В свою очередь, в честь бабушки Казимиры был назван Казимир Дзержинский, родившийся в 1875 г., а в честь ее мужа Игнатия — Игнатий Дзержинский, родившийся в 1879 г. Станислав был назван, либо в честь Станислава Пиляр, мужа старшей из сестер Янушевских, либо в честь одного из братьев Игнатия Янушевского. Поэтому представляется, что имело место и падение в погреб со счастливым окончанием этого происшествия, и наименование в честь близкого родственника. Последствий для здоровья матери падение не имело: после Феликса в семье появилось еще трое детей.

В 1882 г. на 43 году жизни от туберкулёза легких Эдмунд-Руфин Дзержинский умер. На руках у молодой 32-летней вдовы осталось 8 детей: Альдона, Ядвига, Станислав, Казимир, Феликс, Ванда, Игнатий, Владислав. Старшей дочери было 12 лет, Феликсу 5 лет, а младшему из детей 1 год и 3 месяца. Хотя детство Феликса Дзержинского и было материально проблемным, никаких сведений о серьезных заболеваниях у ребенка в этот период нет.

В 1887 г. Феликс приступает к обучению в Первой Виленской мужской гимназии, где будет учиться до 1896 г. Сохранилось описание гимназиста Феликса, сделанное его товарищем В.Н. Сперанским: «Ровесник мой по возрасту, Дзержинский был в виленской первой гимназии одним классом моложе меня. Отчетливо вижу его теперь перед моим духовным взором, вижу двенадцатилетним мальчиком, живым как ртуть и почти эпилептически нервным. Бледное малокровное лицо поминутно искажается гримасой. Резкий пронзительный голос как-то болезненно вибрирует. Неистовый Феликс постоянно носится ураганом по гимназическим коридорам, шумит, шалит и скандалит». [1] Гимназические годы Дзержинского с проказами, с влюбленностями, достаточно типичны.

Так, его романтическая внешность, с тонкими «рафаэлевскими» чертами лица привлекала многих гимназисток. «Он был разительно схож с матерью, Еленой Янушевской, женщиной редкой красоты. Та же тонкость аристократических черт лица, те же прищуренные зеленоватые глаза и красиво выписанный небольшой рот, по углам чуть опущенный презрительным искривлением. Юношеские портреты будущего председателя ВЧК чрезвычайно схожи с портретом юного Рафаэля: Дзержинский был хрупок, женственен и строен, "как тополь киевских высот". [2]

Перелом в характере Феликса Дзержинского произошел на рубеже 1893/94 гг.: он вступает в социал-демократический гимназический кружок в Вильно. Образование как самоцель уже мало значит для Дзержинского, скорее даже отвлекает от новой идеи «освобождения человечества». Тем более, что сам Дзержинский увлеченный символизмом, испытывающий явные проблемы со здоровьем, считал что ему суждено прожить очень недолгую жизнь, буквально несколько лет. А. Гульбинович вспоминал: «Яцек был моложе меня на три года. Мне тогда было 22 года, ему 19 лет. Как-то мы шли вместе ночью и разговаривали. Я ему говорю:

-Почему ты так не бережешь себя, так растрачиваешь свои силы? Нужно немного поберечь себя, иначе потеряешь здоровье.

-Чего уж там, отвечает, — здоровье мое никудашное. Врачи сказали, что у меня хронический бронхит и порок сердца, что жить мне осталось не больше семи лет. Вот и нужно прожить эти семь лет как следует, полностью использовать для рабочего дела.

Я похолодел от этих слов. Я очень любил его...». [3] Разговор с товарищем состоялся вскоре после ухода из гимназии, но в послегимназический период Феликс не посещал врачей и представления о своем здоровье и выводы, которые он делал, хорошо иллюстрируют более раннее отношение Дзержинского к своему здоровью.

14 января 1896 г. в варшавской больнице умирает мать Дзержинского, после чего, мало что удерживало Феликса от разрыва с ненавистной гимназией. В автобиографии Дзержинский кратко писал об этом событии так: «Из гимназии выхожу сам добровольно в 1896 году, считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и самому с ней учиться». [4]

Работа среди рабочих, среди которых встречались и штрейкбрехеры и провокаторы, была порой опасна для жизни. Агитаторов встречали по-разному. Между ними и отсталыми рабочими бывали столкновения, нередко и потасовки. Жертвой одного из инцидентов оказался и Феликс Эдмундович и его друг А. Гульбинович, одно из прозвищ которого был «Поэт». Рабочие завода Гольдштейна поймали и сильно их избили. «Мне нанесли ножевые раны по правому виску и голове, — вспоминал позднее Феликс Эдмундович, — Доктор Домашевич потом зашил рану. Поэта меньше избили, так как он сразу свалился с ног, а я защищался...». [5]

18 (30) марта 1897 г. по решению Виленской социал-демократической организации Дзержинский был переведен в Ковно. Через четыре месяца 17 (29) июля 1897 г. произошел первый арест Дзержинского. Несмотря на то, что он являлся несовершеннолетним, его постоянно сажали в тюремный карцер без воды и пищи. Применялись и телесные наказания — били до потери сознания. [6] Вследствие длительного тюремного заключения у него возникли проблемы со здоровьем, особенно ухудшилось зрение: «глаза немного разгулялись», как писал об этом сам Дзержинский. [7]

12 (24) мая 1898 г. была утверждена высылка Дзержинского в Вятскую губернию на три года [8]. «Дорога была чрезвычайно приятная, если считать приятными блох, клопов, вшей и т.д. Я больше сидел в тюрьмах, чем был в дороге. По Оке, Волге, Каме и Вятке я плыл

пароходом. Чрезвычайно неудобная эта дорога. Заперли нас в так называемый «трюм», как сельдей в бочке. Недостаток света, воздуха и вентиляции вызывал такую духоту, что, несмотря на наш костюм Адама, мы чувствовали себя как в хорошей бане. Мы имели в достатке также и массу других удовольствий в этом же духе." [9]

Прибыв в Нолинск, Дзержинский вскоре устроился работать на махорочную фабрику набойщиком за 7 руб. в месяц: с 6 утра до 8 вечера. [10] В результате Дзержинский заболел глазной болезнью, как он считал — трахомой. Однако работу он не бросал, т.к. она давала некоторый приработок и возможность общения и даже агитации среди рабочих. В результате губернатор принимает решение об отправке Дзержинского еще севернее, в село Кайгородское. Не влияет на это решение, даже то, что здоровье ссыльного к этому времени резко ухудшилось. В письме к сестре Дзержинский с иронией писал об этих изменениях в своей жизни: «... Глаза у меня действительно болят, и я лечусь, ибо хочу жить, а без глаз жить нельзя. Последнее твое письмо я получил в больнице — мне пришлось лечь на некоторое время, и я пролежал бы там, возможно, долго, если бы не случай, происшедший со мной недавно... однако нашему губернатору пришло в голову (вероятно, после сытного обеда и перед сладким послеобеденным сном), что жить мне здесь нехорошо. Не знаю, чем я вызвал такую заботливость по отношению к себе. Он перевел меня на 400 верст севернее, в леса и болота, в деревню, отдаленную на 250 верст от ближайшего уездного города». [11]

В Кайгородском Дзержинский будет находиться с 27 декабря 1898 г. по 27 августа 1899 г. [12] В феврале 1899 г. Дзержинскому была назначена врачебная военная комиссия, которая должна была освидетельствовать его на предмет годности к военной службе, т.к. Феликсу уже исполнилось 21 год. Незадолго до поездки, он хотя и жаловался в письмах на некоторую усталость и плохой сон, но

успокаивающе отмечал, что нога его совершенно прошла, а глаза он лечит, хотя они по-прежнему и болят. [13] Вместе с тем, Дзержинский еще до комиссии был убежден, что у него трахома, хотя в заключении каевского врача говорилось только о «фолликулярном воспалении соединительной оболочки век». [14] Для освидетельствования следовало приехать на уездную врачебную комиссию в село Слободское. Военно-медицинская комиссия признала Дзержинского негодным к несению военной службе, как тяжелобольного человека, обреченного на смерть в ближайшем будущем. 18 февраля 1899 г. он посылает открытку своей возлюбленной Николаевой: "Хорошо в солдаты совсем меня не возьмут, но доктора признают что-то вроде чахотки. Моя жизнь коротка, а потому с ней не должна и нельзя, чтобы другая была с ней увязана. Нет, это страшно больно, нет, мы будем жить одной душой, хотя, должно быть, никогда нам видеться не придется. Я постараюсь устроить свою короткую жизнь так, чтобы пожить ею наиболее интенсивно...

P.S. Не думайте, что я уж сильно болен, нет. Нет. С грудью, правда, в Кае совсем дрянь дело, с глазами тоже, но вне Кая можно еще, должно долго прожить. Губерн (натор), по всей вероятности, не переведет никуда, разве только еще дальше...». [15]

На следующий день, 19 февраля 1899 г. он пишет ей более подробное письмо: «Не хочу обманывать. Нам не придется жить вместе, чтоб вместе же работать, пока я в Кае. У меня трахома и все сильнее, полнейшее малокровье (распухание желез от этого), эмфизема легких, хронический катар ветвей дыхательного горла. В Кае от этого не излечишься. Проситься же униженно не буду, а иначе не переведут». [16]

В подавленном состоянии Дзержинский возвращается обратно в Кайгородское. Однако местный врач, просмотрев привезенные медицинские документы и еще раз осмотрев Дзержинского, не согласился с выводами комиссии. 15 марта Дзержинский пишет М. Николаевой:

«Какой дурак я, что такое письмо написал. Мне тяжело тогда было — под впечатлением минуты всякую глупость могу сделать, это моя черта вообще. Здешний врач уверяет меня, что никакой эмфиземы и катара нет, что это выдумка, чтобы не приняли меня в солдаты как бунтовщика». [17] Тем не менее, эти «медицинские приключения», наряду с испытаниями суровым климатом, не прошли даром. Характерно письмо подруги Николаевой по ссылке Е.А. Дьяконовой: «Вернулась Маргарита. Рассказывает, что каевцы живут скверно. Ведут жизнь самую строгую... Белый хлеб у них редкость, едят, главным образом, продукты своей охоты или рыбной ловли. Феликс Эдмундович исхудал страшно и малокровие у него, достигающее до головокружения. Оба скучают очень безлюдьем и безжизненностью. Так жаль их!». [18]

28 августа 1899 г. Феликс Дзержинский бежал из ссылки. «В 1899 году на лодке бегу оттуда, так как тоска слишком замучала», — написал он впоследствии в своей автобиографии. [19] Через Вильно, он приехал в начале сентября 1899 г. в Варшаву. Дзержинский видел свою задачу в возрождении социал-демократического движения в городе. Совместно с известным социал-демократом Яном Росолом и его восемнадцатилетним сыном Антеком (Антоном) он возрождает социал-демократическую организацию в городе. Однако уже 23 января (4 февраля) 1900 г. произошел второй арест Дзержинского. [20]

Феликс Дзержинский был заключен в X павильон Варшавской цитадели. В апреле 1901 г. Дзержинского переводят в Седлецкую тюрьму. Здесь Дзержинский заболел туберкулезом. Скорее всего, это было результатом того, что в тюрьме он ухаживал за тяжело больным туберкулезом своим другом Антеком Росолом, на руках вынося его ежедневно в течение месяца по 40 минут на прогулку и нося его это время на своей спине. [21] Возможно, результатом этих ежедневных прогулок стали у Феликса Дзержинского и проблемы с сердцем. Физически

заключение очень отразилось на облике Дзержинского. В июле 1901 г. он писал сестре из тюрьмы: «Ты хочешь знать, как я выгляжу. Постараюсь описать тебе как можно точнее: я так возмужал, что многие дают мне 26 лет, хотя у меня нет ни усов, ни бороды; выражение моего лица теперь обычно довольно угрюмое и проясняется лишь во время разговора, но когда я увлекаюсь и начинаю слишком горячо отстаивать свои взгляды, то выражение моих глаз становится таким страшным для моих противников, что некоторые не могут смотреть мне в лицо; черты моего лица огрубели, так что теперь я скорее похож на рабочего, чем на недавнего гимназиста, вообще я подурнел, на лбу у меня уже три глубокие морщины, хожу я, как и раньше, согнувшись, губы часто крепко сжаты, и к тому же я сильно изнервничался...». [22] Позднее он писал ей же: «Здоровье мое так себе — легкие действительно начинают меня немного беспокоить. Настроение переменчиво: одиночество в тюремной камере наложило на меня свой отпечаток. Но силы духа у меня хватит еще на тысячу лет, а то и больше...». [23] Так или иначе, в начале ноября он уже успокаивающе сообщал: «Что касается моих легких, то не так уж с ними плохо, как вы думаете. Я даже не кашляю, а что я чувствую тяжесть в груди, то ведь трудно, сидя в тюрьме почти два года, быть совершенно здоровым». [24]

5 января 1902 г. Дзержинский был отправлен из Седлецкой тюрьмы в далекий Вилуйск. Этап занял больше 2 месяцев. В начале марта он уже был в селе Александровское, где находилась знаменитая Александровская центральная пересыльная тюрьма. Длительные переезды, расшатали здоровье Дзержинского: у него вновь появилась отдышка. «К счастью, - как писал он в письме сестре, наступили теперь теплые, солнечные, весенние дни, и воздух здесь горный и сухой — здоровый для слабых легких». [25] Саму болезнь Дзержинский использовал для организации нового побега. Дорога предполагалась продолжительной, до полутора месяцев, так как до Вилуйска предстояло проехать еще 4 тысячи верст.

Дзержинский надеялся, что ему дадут возможность немного подлечиться в Якутске, так здоровье его вновь ухудшилось. [26] 12 мая 1902 г. Дзержинского отправили в Верхолениск. В городе он и его товарищ эсер М.Д. Сладкопевцев сказались больными и были временно там оставлены. Следует отметить, что Дзержинский не симулировал болезнь, дорога его сильно изнурила, хотя он и писал сестре Альдоне из Верхолениска про места своего пребывания, что «... климат здесь довольно хороший. Вообще Сибирь влияет на легкие неплохо». [27] 12(25) июня 1902 г. из Верхолениска состоялся второй побег Дзержинского.

Вернувшись из ссылки в Литву, а затем в Германию, он был отправлен товарищами на отдых в Швейцарию. Примерно 10 августа (23 августа) 1902 г. он приезжает в Женеву. Здесь он встретился с М. Войткевич-Кржижановской, бывшей участницей гимназического кружка, которым он руководил в далеком 1894 г. «Он был болен туберкулезом и считал, что его дни сочтены. Изнуренный, ссутулившийся, с пересохшими от лихорадки губами, он вовсе не думал о том, что бы беречь себя ... Однажды в стакан, из которого он только что пил, я налила себе молока (у меня был только один стакан). Он с возмущением вырвал стакан из рук.— Мне приходится умирать, — сказал он, подчеркивая слово «приходится», а вам-то жить!», — вспоминала она. [28]

В Швейцарии Дзержинскому пытались лечить туберкулез посредством горного воздуха. Учитывая состояние здоровья Дзержинского, вскоре его направили лечиться в австрийскую Польшу в высокогорный курорт Закопане в Татрах. В студенческой санатории «Братская помощь» он лечился с ноября по декабрь 1902 г. Его товарищ по революционной борьбе Б. Кошутский вспоминал позднее: «Узнав, что у Феликса больные легкие и ему угрожает туберкулез, я связался с ним через Юлиана Мархлевского, предложив приехать в Закопане для лечения и отдыха. В то время я был ассистентом в санатории «Братской помощи» для

студентов в Закопане. Используя свое положение, я записал Феликса в санаторий как учащегося зубоучебного училища, под именем Юзефа Доманского. Имя Юзеф осталось у Феликса навсегда как его основная партийная кличка. После приезда Феликса в Закопане мы вместе с главным врачом санатория Жухонем подвергли его медицинскому обследованию и установили, что состояние его легких не вызывает опасений за жизнь... Пробыл он там всего два или три месяца». [29] 14 декабря 1902 г. Феликс Дзержинский писал сестре Альдоне: «Уезжаю из Закопане. Два месяца лечения значительно мне помогли, я поправился, меньше кашляю, отдохнул. Тянет меня в город, могу и в Кракове за эти самые деньги жить хорошо. Теперь зима, а климат там нездоровый только летом и весной, пропитание же дешевле, нежели здесь, в Закопане, даже в «Братской помощи». 30 и 31 еду в Краков, однако письма прошу писать в Закопане, как до сих пор, пока не пришло новый адрес...». [30]

Краковский период был наполнен работой. Дзержинский, как заграничный представитель Главного правления СДКПиЛ, руководит изданием газеты «Пшегленд социал-демократичны» (Социал-демократическое обозрение). Редакторская работа требовала постоянных разъездов и в 1903-1904 гг. Дзержинский часто покидает Краков, выезжая в другие польские города и за границу. Тем более, что болезнь легких, как казалось Дзержинскому, дает себя вновь знать. В конце апреля 1903 г. он вновь приезжает в Швейцарию на лечение в Кларан. «Опять, значит, я в горах над Женевским озером, вдыхаю в себя чистый горный воздух и великолепно питаюсь. Скверная это вещь, носить в себе врага¹, который преследует тебя по пятам; лишь на мгновение удаётся забыть о нем, но потом он опять напоминает о себе. Врачи говорят, что можно избавиться от него при правильном лечении, хорошем питании, строгом соблюдении

---

¹ Туберкулез легких

режима. Я думаю, что за месяц я прекрасно поправлюсь». [31] Пребывание в Швейцарии продлилось почти два месяца.

Поздней весной 1904 г. он вновь выезжает в Швейцарию, на этот раз не по партийным делам и не на лечение, а по личным мотивам. Здесь находилась на лечении как он ее называл его невеста — Юлия Гольдман. Вместе с Михаилом Гольдманом, он находился рядом с ней вплоть до ее смерти.

3 (16) июня, уже из Кракова, в своем письме, он сообщил печальную весть сестре Альдоне:

«Дорогая Альдона!

Твое последнее апрельское письмо я получил. Не отвечал тебе, так как опять должен был поехать в Швейцарию. Юля² скончалась 4/VI, я не мог отойти от ее постели ни днем, ни ночью. Страшно мучилась. Она умирала в течение целой недели, не теряя сознания до последнего мгновения. Вчера я вернулся обратно в Краков, где, вероятно, пробуду долгое время. Адрес мой старый. Вчера получил также письмо от Игнася. Теперь страшная жара, здесь в городе противно, и я рад за тебя, что ты вырвалась из города, отдохнешь и детям будет где поиграть. Пишу тебе лишь открытку, так как не мог бы написать больше. Крепко целую тебя и детей.

Твой Юз[еф]». [32]

Дзержинский сильно переживал смерть Юлии. Ему хотелось выехать куда-нибудь в деревню, на природу, но он должен был оставаться в душном летнем Кракове и продолжать свою работу. «Никто меня к этому не понуждает, это лишь моя внутренняя потребность. Жизнь отняла у меня в борьбе одно за другим почти все, что я вынес из дома, из семьи, со школьной скамьи, и осталась во мне лишь одна пружина, которая толкает меня с неумолимой силой...». [33] Отчасти выйти из депрессивного состояния ему помог отдых в ноябре 1904 г. В течение нескольких недель

---

² Юлия Гольдман.

он живет у лесничего в нескольких километрах к юго-востоку от Кракова в предгорьях Карпат. [34]

31 декабря (13 января) 1904 г. накануне первой русской революции Дзержинский нелегально переезжает из Кракова в Варшаву. «Юзефу никогда не хватало времени сил,— вспоминал А. Варский, — что бы уравновесить свою глубокую «веру» с «делами», день был для него слишком коротким, сутки слишком малы, человеческие силы слишком ограничены. Но о мере роста движения и приближения 1905 года Юзеф вырастал в какого-то гиганта воли и энергии, а когда наступили январские дни и он сразу же в январе переехал на постоянную работу в Варшаву, силы его как-то удесятились, он был вездесущий, полон свежей инициативы и энергии, неутомимый, заражающий других своей волей и энтузиазмом. В наступившем разливе революционной стихии, на этом все расширяющемся поле действия, юзеф жил всеми фибрами души — это была его стихия, его жизнь, кипучая, полная, богатая радостями партийных успехов в нарастающем движении». [35]

17(30) июля 1905 г. во время Варшавской межрайонной партийной конференцией последовал третий арест Дзержинского. В X павильоне Варшавской цитадели, куда его поместили после некоторого времени, условия заключения были сносными. Он был помещен в большую по меркам тюрьмы камеру с белыми стенами — 5 на 7 шагов, с большим зарешеченным окном из граненого стекла и темно-желтой дверью. В камере помимо постели был стол под окном. Освещалась камера керосиновой лампой, для которой Дзержинский сделал бумажный абажур. Пища была приличная по тюремным понятиям. Два раза в неделю заключенным разрешались покупки. Дзержинский покупал себе немного молока. Разрешалась ежедневная прогулка по тюремному двору, которая длилась 15 минут. Были условия для чтения и самообразования. В тюрьме

находилась библиотека, которой можно было пользоваться заключенным. [36]

Помощь арестованному брату оказывал Игнатий Дзержинский, неоднократно навещавший его в заключении и передавший сюда теплые вещи: пальто и рубашку. Передавали Дзержинскому и цветы, и в его камере стояли розы. Пусть не все доходило в целостности и сохранности, так открытку с изображением красивой девушки Дзержинскому предварительно изуродовали, но все же это облегчало жизнь. [37]

В заключении Дзержинский читал польских авторов, подучивал французский язык и наслаждался крохами выпадавшей мнимой свободы. В письмах своим родным он описывал как, возможно, смешно со стороны он представляется охранникам, когда бежит во время пятнадцатиминутной прогулки по тюремной дорожке с задранной кверху головой «со своей козьей бородкой, с вытянутой шеей и продолговатым, острым лицом». А он, не обращая внимание на охрану и тюремные стены, бежал и смотрел на небо, такое разное в его эпистолярных описаниях. [38]

Между тем в результате Октябрьской всероссийской политической стачки, 17 октября 1905 г. Николай II издал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», а вскоре и амнистию. 2 (15) ноября 1905 г. Дзержинский был освобожден из тюрьмы. В течении последующего года он вновь в борьбе. Есть и новое увлечение: Сабина Файнштейн, в которую он влюблен. 13(26) декабря 1906 г. последовал четвертый арест Дзержинского. Он прервал как политическую деятельность Дзержинского, так и возобновившуюся недавно личную жизнь Феликса.

После Нового года, Дзержинского перевели в варшавскую следственную тюрьму "Павиак". Тюремные условия были неплохие, но «... состояние здоровья Дзержинского тогда оставляло желать много лучшего. Он был переутомлен, страдал болезнью легких. Мы все горячо

желали его освобождения из тюрьмы. Мы знали, что на воле хлопочут об этом, но время тянулось медленно». [39] 22 мая (4 июня) 1907 г. Дзержинский был освобожден из тюрьмы «Павиак» под залог в одну тысячу рублей. [40]

Вновь почти год революционной деятельности и пятый арест 3(16) апреля 1908 г. Дзержинский заключен в X павильон Варшавской цитадели. Здесь 17 (30) апреля 1908 г. Дзержинский, после двух недель заключения, в одиночной камере, начинает вести тюремный дневник. 15(28) января и 25 апреля (8 мая) 1909 г. Дзержинский по приговорам Варшавской судебной палаты лишен прав состояния и осужден на вечное поселение в Сибирь. Дорога вновь заняла два месяца, и вскоре новый побег в середине ноября 1909 г.

В конце декабря 1909 г. Дзержинский благополучно добрался до Берлина. Оказавшись в эмиграции «... он тут же, не желая слушать об отдыхе, стал рваться на нелегальную работу обратно в Королевство Польское. Это повторялось каждый раз после многократных его побегов. Но на этот раз мы все решительно запротестовали из-за его сильно подорванного здоровья. Мы хотели, чтобы он отдохнул и подлечился. А он писал нам: «Не возражайте против этого, ибо я должен либо весь быть в огне и подходящей для меня работе, либо меня свезут... на кладбище», — вспоминал позднее А. Варский. [41]

Практически каждый из «берлинцев» предлагал свой вариант организации отдыха для Феликса. Так, Роза Люксембург увидев его состояние здоровья, настояла на незамедлительном лечении, предложив поехать в Мадерне, где она незадолго до этого жила за шесть-семь франков в день. Мархлевский предложил другой вариант — поехать на Капри, зимний европейский курорт. Осматривавший его перед отъездом врач,

профессор медицины Миакалис, сам больной чахоткой, в свою очередь, советовал поехать в Раппало, не возражая, впрочем, и против Кордоны.³

Осмотр и анализы Миакалиса показали отсутствие туберкулеза у Дзержинского, но при этом констатировали явное нервное и физическое истощение, похудание и измученности пациента. Поэтому врач рекомендовал Дзержинскому покой, регулярный образ жизни, хорошее питание.

В результате, Дзержинский, выезжая из Берлина на юг, еще не знал, где он конкретно остановится в Италии. Главное он хотел, что бы рядом было море. Уже в поезде Берлин-Цюрих, Дзержинский останавливается на варианте с Капри. Вариант с Раппало отпал, так как Дзержинский не знал никого там, Мадерна же была слишком дорогим вариантом. Проездом в Цюрихе Дзержинский посетил лес на горе Цюрихсберг с его знаменитым прекрасным видом на город и озеро.⁴ На Капри он познакомился с Максимом Горьким. После Капри он посетил Нерви, Монте-Карло, вновь Швейцарские Альпы. Здесь он любовался альпийскими горами — Юнгфрау и другими. Любовь к горам останется навсегда в его сердце. «Так прекрасен мир! И тем более сжимается мое сердце, когда я подумаю об ужасах человеческой жизни, и я должен опять возвращаться с вершин в долины, в норы», — писал он с сожалением сестре Альдоне 14 (1) марта. [42] Попытка возобновить отношения с Сабиной Файнштейн в начале 1910 г. оказалась неудачной, несмотря на все усилия с его стороны и он полностью переключился на партийную работу

Позднее он вновь в Кракове. Также здесь возобновляется его знакомство с Софьей Мушкат, выехавшей за границу в конце года после освобождения из тюрьмы, где она находилась три месяца. [43] Мушкат, отмечая при их новой встрече солнечный загар на лице Дзержинского,

---

³ Кордона — горный курорт во Франции.

⁴ Этим же видом в 1975 г. будет любоваться А.И. Солженицын, обдумывая создание Фонда помощи бывшим политзаключенным и их родственникам

вместе с тем, указывала и на появление глубоких морщин, которых ранее не было. [44] Новые отношения скоро привели их к свадьбе.

1 (14) сентября 1912 г. состоялся шестой Арест Дзержинского, заключение в X павильон Варшавской цитадели. 28 Июля (10 августа) 1914 г. Феликса Дзержинского, в связи с военными действиями, вместе с другими арестантами, перевозят из Варшавы в Орловскую губернскую тюрьму. Из Орловской губернской тюрьмы последовал перевод затем в Орловский каторжный централ. Позднее, в связи с возбуждением против него нового судебного дела, в конце марта 1916 г. Дзержинский был переведен в Московскую губернскую тюрьму. 4 (17) мая 1916 г. он был приговорен к 6 годам каторжных работ. После суда Дзержинский находился в Таганской тюрьме, затем его перевели в Бутырки. Его поместили в одиночную камеру внутренней тюрьмы, прозванной «Сахалином». Особенностью этой части тюрьмы было отсутствие имен и фамилий у заключенных, которые носили номера. Дзержинский был №217. В заключении он носил ножные кандалы. [45]

1(14) марта 1917 г. в результате победы Февральской революции Дзержинский был освобожден из Бутырской тюрьмы. Описание этого события сохранилось в воспоминаниях Л.М. Френкель: «На пороге одной из камер мы встретили Дзержинского. На Феликса Эдмундовича больно было смотреть: бледный, изможденный, в каторжной одежде и немного прихрамывал — последствие ножных кандалов. Я сразу же прикрепила ему на грудь свой красный бант. Рабочие на руках отнесли сияющего от счастья революционера из тюрьмы и усадили в машину...». [46] Сразу после освобождения Дзержинский выступает на многочисленных митингах и собраниях. Но очень скоро сказываются последствия тюремного заключения. 18 марта в письме жене он сообщал: «Теперь уже несколько дней я отдыхаю, так как впечатления и горячка первых дней свободы и революции были слишком сильны, и мои нервы, ослабленные

столькими годами тюремной тишины, не выдержали возложенной на них нагрузки. Я немного захворал, но сейчас, после нескольких дней отдыха в постели, лихорадка совершенно прошла, и я чувствую себя вполне хорошо. Врач также не нашел ничего опасного, и, вероятно, не позже чем через неделю я вернусь опять к жизни». [47] После краткого отдыха, Дзержинский вновь в работе: в апреле участвует в Московской областной конференции РСДРП (б), в работе VII (Апрельской) конференции РСДРП (б) в Петрограде. Дзержинского выдвигают в ЦК партии, но он, чувствуя себя больным и не готовым в должной степени исполнять эту работу, прежде всего физически, отказывается от этой партийной должности.

После окончания апрельской конференции Дзержинский возвращается в Москву. Состояние здоровья требовало незамедлительного и системного лечения и Дзержинского помещают в начале мая в партийный «санаторий». Это был один из многих, скорее не санаториев, а временных лазаретов, созданных в Москве для нуждающихся в медицинской помощи местным Бюро помощи освобожденным из заключения и прибывшим из ссылки. Находился он в доме бывшего начальника полиции города Москвы в Сокольническом районе, напротив Ботанического сада, в котором гуляли в свободное время от лечебных процедур находившиеся на лечении. Д. Френкель вспоминала: «В начале мая 1917 года мне вновь пришлось встретиться с Ф.Э. Дзержинским. Произошло это при следующих обстоятельствах. Среди освобожденных из московских тюрем революционеров оказалось много больных, изможденных, не имевших ни жилья, ни средств для существования. Московское бюро помощи освобожденным из заключения и прибывшим из далеких ссылок организовало в Москве ряд временных... лазаретов, где освобожденные могли бы подлечиться, окрепнуть, определить свою дальнейшую судьбу. В один из таких «санаториев»... в начале мая 1917 года и был помещен Ф.Э. Дзержинский... Срок пребывания в «санатории» был небольшой —

12–15 дней, затем одни выезжали на родину или устраивались на работу в Москве, других направляли на более длительное лечение в больницы или в настоящие санатории. У Феликса Эдмундовича было обнаружено затемнение в легких — следствие туберкулеза, которым он болел в тюрьме, и его направили на лечение кумысом в Оренбургскую губернию». [48]

1 июня 1917 г. Дзержинский выезжает на лечение в Оренбуржье из Москвы. [49] Здесь он проходит курс лечения от туберкулеза на курорте первой категории в известной кумысолечебнице «Джанетовка» в Оренбургском крае.⁵ Курс предусматривал лечение в течение шести недель. [50] Как вспоминала его жена «Состояние его здоровья было, видимо, очень плохое и настроение мрачное. У него был такой упадок сил, что как он писал мне, при встрече я увижу лишь его «тень». [51] В середине июля Дзержинский вернулся в Москву. Здесь его застало трагическое известие о смерти старшего брата. 18 июля он в срочном порядке выехал из Москвы в родное Дзержиново, где бандиты с целью грабежа убили его брата Станислава. Пробыв там несколько дней, он через Минск вернулся в Москву.

Осенью 1917 г. происходит Октябрьская революция и у Дзержинского, как он сам себя называл «солдата революции», начинается новая жизнь. Еще накануне революции он становится членом ПВРК, а 7 (20) декабря председателем ВЧК. На этом посту Дзержинский пробудет вплоть до своей смерти, порою подвергая свою жизнь опасности. Так во время апрельского 1918 г. московского разоружения анархистов он получит небольшое ранение в руку. [52] В этом же году будет предпринята попытка подрыва кабинета Дзержинского. В мае 1920 г. в Харькове него будет стрелять

---

⁵ Джанетовка — кумысолечебница, основанная в 1889 г. для лечения туберкулезных больных английским врачом Джорджем А. Карриком (1840-1908) . Названа так в честь его племянницы Джанет. Существует по настоящий момент, в качестве Оренбургского областного детского санатория имени Н.К. Крупской.

террористка, но промахнется. [53] Но главное, что весь этот период жизнь Дзержинского уже не зависела от него. Напряженный график работы стал нормой.

Долгое время ситуацию усугубляло отсутствие жены, находившейся в то время за границей в Швейцарии. Товарищи по партии отмечали, что он пропадает круглые сутки на работе, не спит по-человечески, питается отвратительно. В октябре 1918 г. Дзержинскому нелегально удалось выехать за границу. Помимо выполнения партийных заданий, на несколько дней он заедет в Швейцарию «... чтобы немного передохнуть, дать телу и мыслям отдых», где встретился с женой и сыном. Но воссоединиться с семьей ему удастся только в начале февраля 1919 г., когда жена и сын приедут в Москву. «До нашего приезда он обычно проводил круглые сутки в ВЧК, ночуя в своем кабинете. Лишь в связи с нашим прибытием он переселился в свою комнату в Кремле», — вспоминал его сын. [54] Однако, здесь он только ночевал, вынужденно посвящая семье мало времени. Как вспоминал Ян «Вставал он часов около девяти, а я в это время уходил в школу, возвращался же он поздно ночью. Зимой отец и по воскресеньям почти не отдыхал, лишь несколько раньше обычного возвращался домой. Даже когда ему случалось заболеть, то и тогда он не прекращал работать, просматривая многочисленные деловые документы. Только в летние месяцы я видел отца чаще. По воскресеньям он ездил за город, но и там большую часть дня работал. Однако по вечерам нам удавалось выходить с ним на прогулку. Несколько раз мы гуляли с ним по Москве». [55]

Как свидетельствует его биография весь 1919 г. и половину 1920 г. Дзержинский работал без перерыва, практически на износ. 24 апреля 1920 г. началась советско-польская война и Дзержинского командировали на Украину. В Харькове он пробыл более двух месяцев, до середины июля. Напряженная работа не могла не сказаться на его здоровье. Встретившийся

в Харькове с Держинским Н.А Равич, заметил перемены, произошедшие в его облике за последние два года. «Ф.Э. Держинский довольно заметно изменился — похудел, побледнел и частенько покашливал, чего раньше не было». Далее он писал: «После заключения в польской тюрьме, неудачного побега и пребывания в лагере «Дембью» под Краковом здоровье мое пошатнулось. Работа в штабе была напряженной и кончалась поздно ночью. Поэтому меня поместили в санаторий на Рымарской улице. Там же некоторое время находился и Держинский. В половине девятого утра мы обычно выходили и пешком шли в штаб. Машина ехала за нами. Если Держинский уставал, мы садились в нее. Это была единственная прогулка Держинского за день. Спал он мало, ел нерегулярно... Кто мог сказать, сколько еще времени организм Держинского выдержит такое напряжение? Это вызывало беспокойство даже у Центрального Комитета партии. Но на фронте шли решающие бои, и всякое упоминание о необходимости отдыха приводило Феликса Эдмундовича в страшное раздражение. «Кто вам наврал о состоянии моего здоровья и перегрузке работой?» — запрашивал он Центральный Комитет 9 июня 1920 года...».[56] В письме из Харькова от 26 июня 1926 г. он писал Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Спешу ответить, что я не подчинился только букве предписания ЦК, я не на даче, но я усиленно лечусь водолечением. Врачи нашли только нервное переутомление, а все остальное в полном порядке, в том числе и легкие. Я и лечусь усердно, желая еще поработать».

[57] Это сообщение можно дополнить письмом личного секретаря Держинского В.Л. Герсона заместителю председателя ВЧК И.К. Ксенофонтову от 27 июня 1920 г.: «Я стараюсь Феликса Эдмундовича хорошо кормить и уговорил его лечиться, он ежедневно теперь утром ходит к врачу и принимает лечение электризацией, а потом едет в водолечебницу. Врачи установили, что сердце и легкие у него здоровые и

лишь у него сильное переутомление от нервов, и поэтому водолечение будет очень хорошо».[58]

Советско-польская война не оставляла времени для отдыха. 23 июля Дзержинский отправился поездом на Западный фронт. По пути в Белосток. Дзержинский даже попал в автомобильную аварию. Вот, как об этом рассказывает его шофер: «В нашей машине, которую мы вели по очереди с Шпилевским ехали Дзержинский, Мархлевский, Кон, Богуцкий и ещё один товарищ. В дороге с машиной произошла серьезная авария. Нас всех за исключением Шпилевского, выбросило из открытой машины, а его машина накрыла. Крестовиной сломанного руля разрезан был мускул на его руке. У меня оказался перелом ключицы, у Богуцкого — перелом руки, сильно ушиб руку и бедро Феликс Эдмундович. Подъехавшие товарищи поставили нашу машину на колеса. Это произошло около местечка Мерици, недалеко от Гродно. [59]

Все лето и начало осени 1920 г., Дзержинский был на фронте, вернувшись в Москву только после завершения активных военных действий.

В конце сентября — начале октября 1920 г. Ф.Э. Дзержинский вместе с семьей был Лениным «командирован на отдых» в Подмосковье, в усадьбу совхоза Любаново. Е.Д. Стасова, работавшая в то время в Аппарате ЦК РКП (б), вспоминала: «Когда В.И. Ленин узнал, что Дзержинский доработался до кровохарканья, он позвонил мне и предложил записать решение ЦК о том, что Дзержинскому предписывается поехать на две недели в отпуск в Наро-Фоминск. Тогда в Наро-Фоминске был лучший под Москвой совхоз, и Дзержинский мог получить там хорошее питание. Владимир Ильич, продумывавший все до мелочей, учитывал и то, что в совхозе отсутствует телефон, следовательно, Дзержинский не будет звонить в Москву и поэтому лучше сможет отдохнуть». [60]

С.С. Дзержинская с явным удовольствием вспоминала этот кратковременный семейный отдых: «У Феликса не было желания брать отпуск, но он был очень дисциплинирован и выполнил директиву ЦК. Мы поехали втроём (Феликс, я и Ясик) не в город Наро-Фоминск, в Наро-Фоминский уезд, в совхоз «Любаново», куда нас отвёз на машине А.Я. Беленький. Нам отвели комнатку в доме, где находилось правление совхоза. Телефона в совхозе действительно не было, и Феликс был полностью оторван от Москвы и работы. Мы пробыли там около двух недель, за это время только один раз, в середине нашего пребывания там, А.Я. Беленький привез газеты за прошедшую неделю. Целые дни мы проводили на воздухе, гуляли и раз даже катались на лодке по небольшой речушке... Во время отпуска Феликс отоспался за все проведенные за работой бессонные ночи и с новыми силами вернулся в Москву к своей напряженной деятельности». [61]

Через несколько дней после возвращения Дзержинских из отпуска, 15 октября 1920 г. решением ЦК РКП (б) Дзержинский назначен председателем комиссии для выработки мер по усилению охраны государственной границы. Еще спустя несколько дней, «отдохнувшего» Дзержинского, Совет Труда и Оборона, который возглавлял В.И. Ленин, 20 октября 1920 г. назначил председателем Московского комитета Оборона. Начало 1921 г. он проводит в Харькове, где решает промышленные вопросы. Там его и застают известия о Кронштадтском восстании. Дзержинский возвращается к 8 марта в Москву.

Имеется свидетельство о том, что в марте 1921 г., на фракционном совещании во время X съезда РКП (б) Дзержинский заявил об отказе войти в состав ЦК партии и о намерении уйти с поста руководителя ВЧК в связи с тем, что он больше не может применять террор по отношению к рабочим и крестьянам, а не «классовым врагам». «Вы знаете, моя рука никогда не дрожала, когда я направлял карающий меч на головы наших классовых

врагов. Но теперь наша революция вступает в трагический период, во время которого приходится карать не только классовых врагов, а и трудящихся - рабочих и крестьян - в Кронштадте, в Тамбовской губернии и в других местах. Вы знаете, товарищи, что я не щадил своей жизни в революционной борьбе, боролся за лучшую долю рабочих и крестьян. А теперь их приходится репрессировать...". [62]

Дзержинский остро переживал кронштадтские события, что сказалось на его здоровье. 31 марта 1921 г. Г.Г. Ягода даже написал записку Дзержинскому, в которой предлагал организовать совместный отдых:

«Тов. Дорогой Феликс Эдмундович!

Мне пришла идея: хочу предложить Вам — давайте хотя бы на неделю поедим куда-нибудь отдохнуть. Правда тяжело и Вам и мне. Без Вас никуда не поеду.

С комм. приветом

ЯГОДА».

На что последовал незамедлительный ответ Дзержинского: «Ну, ну, идея блестящая! Первым должны выполнить Вы, а за Вами и я. Ф.Д.» На ответе значилась и авторская резолюция: «Т.Ягоде. К исполнению. Ф.Д. 31. 3.21». [63]

Отдыхать Дзержинскому не довелось, помимо работы в ВЧК, вскоре он получил еще одно «партийное поручение» от Ленина. 14 апреля 1921 г. его назначили наркомом путей сообщения, с оставлением на посту руководителя ВЧК и НКВД. Лишь 12 июля 1921 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП (б), на котором в частности обсуждалось состояние здоровья Ф.Э. Дзержинского. Политбюро постановило: «Предложить т. Дзержинскому правильно лечиться, т.е. работать не более чем до 9 часов веч. Каждый день и два полных дня в неделю обязательно проводить в деревне.

Затребовать от д-ра Готье письменного отзыва о здоровье

Секретарь Цека. В. МОЛОТОВ». [64]

Однако постановление осталось без последствий: лечение не состоялось.

В начале января 1922 г. Ф.Э. Дзержинский как особоуполномоченный ВЦИК и СТО выехал в Сибирь для принятия чрезвычайных мер по вывозу продовольственных грузов в Москву, Петроград и голодающие районы Поволжья. «Дзержинский как всегда, отдался работе со всей энергией и не спал ночей. В Сибири Феликсу Эдмундовичу сильно нездоровилось. Об этом стало известно Владимиру Ильичу. Но он знал, что Дзержинский не любит подвергаться врачебному осмотру, и приказал созвать консилиум и осмотреть больного, но так, чтобы тот не знал об этом намерении. Результаты освидетельствования и заключение консилиума Ленин потребовал прислать ему в Москву.

Товарищам пришлось пойти на хитрость. Приглашенных профессоров и врачей неожиданно ввели в комнату, где находился Дзержинский, и сказали ему:

— Вот к вам пришли врачи.

Думая, что те пришли с какой-нибудь просьбой, Феликс Эдмундович спросил:

— Здравствуйте, в чем дело?

Здороваясь с ним, один из врачей, как бы по профессиональной привычке, стал щупать пульс и настойчиво заявил, что его необходимо осмотреть.

После консилиума Феликс Эдмундович разгорячился. Он больше всего боялся, чтобы его не отозвали из Сибири до выполнения задания.

— Кто вас просил приглашать врачей? — напустился он на товарищей.

— Это приказ Владимира Ильича.

Тут только Феликс Эдмундович смирился...». [65]

Но на распорядок дня Дзержинского это повлияло мало. По приезду в Москву Ф.Э.Дзержинский составляет примерный план своего рабочего дня, с учетом занятости в НКПС, ГПУ, НКВД, а также , возможно рекомендаций врачей:

«План моей работы

Общий по дням (на всю неделю)

А) Руководство как НКПуть, ПредГПУ/НКВДдел, член ЦК

Б) Собств. Подготовка—теоретич. и практическая.

В) Общение—клуб.

НКПС

Доклады: Князева, ЦН, ЦБН, ЦФ,ЦИ, ЦА, Цужел, Цурск, Цумор, ЦХТ, Трансплан, Науч. орг. труда.

Техн. Улучшение — Дельгаза.

Совещания и Коллегия: Серебряков, Фомин, Халатов, Коган-Бернштейн, Чупкаев, Андреев, Ударов.

Приемы: УЦ, Н (дорог I категории). Взять под личное наблюд. Дорогу, реку, море.

Чтение «Вестника» и других изданий НКПС и Цектрана.

Обязат. Изучените серьезной ж.д. литературы.

Труды ком. ин. Петрова.

ГПУ. Доклады: Герсон. Уншлихт, Менж., Ягода, Самсонов, Кацнельсон, Благонравов, Беленький, Артузов.

½ 11-го доклад герсона у меня на квартире.

11-2, 2-4 ГПУ и НКВДдел.

9-11 ч. Подготовка и газеты.

11-4—НКПС

4-6-обед и отдых.

6-8—ГПУ, НКВД.

8-11 чтение и изучение.

(обед дома, вставать 8-9 часов, ложиться 11-12 час., прекр. тел. 8 час.)».

[66]

Вопрос о здоровье Дзержинского всплыл только осенью 1922 г. 25 сентября 1922 г. Г.К. Орджоникидзе сообщал руководителю Абхазии Лакобе: «Дорогой тов. Лакоба! Могилевский и Атарбеков тебе наверное уже сообщили о том, что тт. Дзержинский, Ягода и другие едут в гости к тебе на два месяца. Надо их поместить в лучшем (чистом, без насекомых, с отоплением, освещением и т. д.) особняке у самого берега моря. Быть во всех отношениях достойными абхазцу гостеприимными хозяевами, в чем у меня нет никакого сомнения. Подробнее расскажет податель сего. Будь здоров. Крепко жму твою руку». Вскоре, 10 ноября Дзержинский писал из Сухуми жене: «Тут солнце, тепло, море безбрежное и вечно живое, цветы, виноградники, красиво как в сказке... Кругом пальмы, мимозы, эвкалипты, кактусы, оливковые, апельсиновые и лимонные деревья, цветущие розы, камелии, магнолии — повсюду буйная растительность, вдали же цепи покрытые снегом гор, а ниже огромные леса». [67] Отдых в Сухуми поздней осенью 1922 г. Дзержинский сопровождал разбором разных местных чекистских и партийных дел («грузинское дело»).

После «отпуска» вновь на год была работа на износ. «Когда на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 октября 1923 года был поставлен вопрос об очередном отпуске, он просил снять этот вопрос с повестки дня, мотивируя тем, что его отпуск был бы в данный момент вреден для дела, а следовательно, и для него лично. Он ссылаясь на положение дел в ОГПУ и в НКПС, требующие его присутствия, на неликвидированный еще вопрос о «рабочей оппозиции» и на международную обстановку. Все это вызывало необходимость величайшего темпа работы и напряжения всех партийных сил. «В такой критический момент,— писал Феликс,— покидать мне Москву и работу было бы преступно... Уходить в отпуск сейчас и психологически было бы очень трудно — и отпуск не дал бы мне того, что требуется от отпуска». [68]

2 февраля 1924 г. Дзержинский утвержден Председателем ВСНХ СССР, покинув пост наркома железных дорог. Напряженная работа не оставляла время на отдых. Как итог, 5 марта 1925 г. Политбюро вновь рассматривало вопрос о состоянии здоровья Ф.Э. Дзержинского. Политбюро за подписью И.В. Сталина постановило подтвердить необходимость выполнения Дзержинским установленного консультационной комиссией ограничения времени работы. Согласно разработанным врачами В. Крамером, П. Елистратовым и Левиным рекомендациям, для Дзержинского работа после шести часов вечера могла быть разрешена только для исключительно важных дел, выступления на собраниях должны были быть запрещены совсем, и был обязательным порядок еженедельного двухдневного отдыха (суббота и воскресенье), по возможности вне Москвы. [69]

Напряжение сил вновь, как это уже не раз бывало, вызвало ухудшение здоровья. 29 марта 1925 г. он пишет записку врачу М.Г. Кушнеру, переправив ее через Герсона: «Я все кашляю, особенно по ночам, мокрота густая, желтая. Просьба дать мне лекарство для дезинфекции легких и для отхода мокроты. Осматривать меня не нужно. Не могу смотреть на врачей и на осмотр не соглашусь. Прошу и не возбуждать этого вопроса». [70] Тем не менее, летом 1925 г. ЦК ВКП (б) уже категорически потребовал от Ф.Э. Дзержинского отправиться в отдых.

Летом 1925 г. Дзержинский отдыхал в Кисловодске. По дороге в Кисловодск из Минеральных вод Дзержинский буквально забросал встретивших его секретаря Терского окружного комитета партии С.О. Котляра, директора курортов кавказских минеральных вод С.А. Мамушина и начальника Терского окружного отдела ОГПУ Ф.Т. Фомина вопросами о кавказских санаториях, их пропускной способности и возможности перевода на круглогодичную работу, а также об условиях труда работающих там. [71]

В Кисловодске Ф.Э. Дзержинский поселился на даче «Карс»⁶, построенной здесь в 1912 г. по проекту Э.Б. Ходжаева для богатого армавирского купца А.А. Тарасова.⁷ Для Дзержинского и приезжающей позднее его жены был подготовлена квартира из трех комнат, занимавшая весь второй этаж дачи. Однако Дзержинский отказался от этого предложения, заняв только одну комнату. [72] Многие свои прогулки Феликс Эдмундович совершал вместе с В.Р. Менжинским, тоже лечившимся в то время в Кисловодске. Соблюдая предписания лечащего врача И.Л. Баумгольца, выполнил Дзержинский и подъем на гору Машук: через каждые 50 шагов он делал минутную передышку. Но излюбленным местом его прогулок, после приезда жены, были Красные камни, неподалеку от дачи. [73]

Отдых на Кавказе дал определенный эффект. 22 октября 1925 г. немецкие профессора Крауз и Фарстор, а также профессор Обросов провели осмотр Дзержинского с последующим консилиумом. Они сделали прогноз о дальнейшем состоянии его здоровья. Согласно ему, врачи констатировали, что: «Диагноз: отсутствие атеросклероза и гипертонии. В анамнезе припадок вроде стенокардического. Головные боли неопределенного характера.

Прогноз: Если пациент сам себя не будет беречь и его не будут беречь, то тяжелые ангинозные припадки вновь возобновляться.

Рекомендуется: умерить страстность при работе. Регулярный отдых. Много спать, не менее 8 часов отдыхать. После обеда отдыхать 1 час не засыпая. Два раза в год отпуск не менее 4 недель каждый с пребыванием на Кавказе, который оказал уже благоприятное действие. Должен работать и не считать себя чересчур больным. Два дня в неделю свободных от

---

⁶ Сейчас это дача №1 элитного санатория «Красные Камни» Управления делами президента России.

⁷ Отец известного французского писателя Анри Труайя (Лев Тарасов).

работы. Время от времени курить не более 6 папирос в день (на Кавказе), при работе не более 20 папирос

Профессор Крауз

Профессор Фарстрер

Профессор Обросов». [74]

Однако все эти предписания, при общей загруженности Дзержинского мало что стоили. Весной 1926 г. многие обращали на изменения внешности Дзержинского.

Накануне, перед выступлением на Объединенном июльском пленуме 1926 г. ЦК и ЦКК ВКП(б), Дзержинский работал дома всю ночь, готовя свою речь. Ранним утром он посетил ОГПУ и работал здесь над речью до полудня, отказавшись от завтрака. Служащие отмечали его плохое состояние. Впоследствии в его маленьком карманном дневнике была обнаружена запись: «Чувствую себя плохо». После полудня он выехал в ВСНХ, а затем на пленум. Речь Дзержинского была очень эмоциональной, ему явно не хватало воздуха. Участник пленума вспоминал: «Я сидел как раз против него, когда он говорил с трибуны перед верховным форумом большевистской партии. Он говорил с большой энергией, абсолютно деловито, но со страстной горячностью, когда он в своей речи касался интересов партии...

На поверхностного наблюдателя он мог произвести впечатление крепкого, здорового человека. Но от тех, которые особенно внимательно присматривались, не ускользнуло, что он часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди, и это можно было принять за ораторский жест. Но теперь мы знаем, что свою последнюю большую речь он произнес, несмотря на тяжелые физические страдания. Это прижимание обеих рук к сердцу было сознательным жестом сильного человека, который всю свою жизнь считал слабость позором и который перед самой смертью не хотел, пока он не закончит

свою последнюю речь, показать, что он физически страдает, не хотел казаться слабым». [75]

Под бурные аплодисменты Дзержинский самостоятельно сошел с трибуны и лег на диван в соседней комнате. Врачи стали щупать пульс. Его почти не было слышно. Обеспокоенной отсутствием мужа жене, секретарь Дзержинского В. Герсон по телефону сообщил, что у него был тяжелый приступ грудной жабы и что он лежит в одной из комнат Большого Кремлевского дворца. [76] Секретарь Дзержинского по ВСНХ С. Реденс и А.Я. Беленький сопроводили Дзержинского домой.

«Когда первый приступ слабости прошел, он встал и, пошатнувшись, пошел по коридору. На просьбу отдать свой портфель, ответил:

— Я сам могу.

Придя на квартиру, он подошел к постели и, опять отклонив помощь, чуть слышно прошептал:

— Я сам...

И тут же замертво упал...». [77] Врачи констатировали смерть. Срочно собравшаяся медицинская комиссия определила ее причины.

«Протокол вскрытия тела Ф.Э. Дзержинского

21 июля 1926 г.

21 июля 1926 г. в 0.30 до 1.30 протокол вскрытия тела Ф. Дзержинского, скончавшегося 20 июля в 16.40. Анатомический диагноз: резкий общий атеросклероз с преимущественным поражением венечной артерии сердца. Атеросклероз аорты. Гипертрофия левого желудочка сердца. Острое застойное полнокровие внутренних органов.

Заключение: Основой болезни т. Дзержинского является общий атеросклероз, особенно резко выраженный в венечной артерии сердца.

Смерть последовала от паралича сердца, развившегося вследствие спазматического закрытия просвета резко измененных и суженных венечных артерий.

Вскрытие производил: *проф.* А. И. Абрикосов

Присутствовали: *проф.* В. Щуровский

проф. Д. Российский

проф. М. Дитрих

В. Розанов

А. Канель

А. Зеленский

П. Обросов». [78]

Казалось для многих негибимый, железный человек скоропостижно умер. В итоге появилось много слухов о смерти Дзержинского, в т.ч. от яда. Реальность была иной: всю жизнь, считая себя больным туберкулезом, Дзержинский умер в результате сердечного приступа. Именно сердце на протяжении всей его жизни было главным «врагом» здоровья «Железного Феликса».

Список литературы

1. В.Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте. //Русская жизнь. 2009. 29 января.
2. Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С.8-9.
3. Гульбинович А. На заре рабочего движения. // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С.49.
4. Феликс Дзержинский. Дневники и письма. М., 1956. С.8.
5. Пролетарская революция. 1926. № 9. С.58.
6. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / Редкол. А.С. Велидов и др. — 3 – е изд., доп. — М., 1987. С.28. Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С.18.
7. Феликс Дзержинский. Дневники и письма. М., 1956. С.88.
8. О ссылке более подробно см.: Ратьковский И.С. Первая ссылка Дзержинского// Россия в XX веке: человек и власть. Сб.статей / Отв. ред. М.В. Ходяков //Труды исторического факультета СПбГУ. Том 14. СПб., 2013.
9. Феликс Дзержинский. Дневники и письма. М., 1956. С.89.
10. Феликс Дзержинский. Дневники и письма. М., 1956. С.89.
11. Феликс Дзержинский. Дневник и письма. М. 1956. С. 95.
12. Дзержинский: бегство из Вятских лесов. //Вятский край. 2012. 11 сент.
13. Дзержинский Ф.Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А.А. Плеханова и А.М. Плеханова. М., 2007. С.146, 163.
14. Дзержинский Ф.Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А.А. Плеханова и А.М. Плеханова. М., 2007. С.174.
15. Дзержинский Ф.Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского

Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А.А. Плеханова и А.М. Плеханова. М., 2007. С.197-198.

16. Дзержинский Ф.Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А.А. Плеханова и А.М. Плеханова. М., 2007. С.200.

17. Дзержинский Ф.Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А.А. Плеханова и А.М. Плеханова. М., 2007. С.204.

18. Цит по. Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Изд. 4-е, доп. М., Минск, 1982. С.42. Наука и Жизнь. 1970. №2. С.14.

19. Автобиография Ф.Э. Дзержинского. //Ф.Э. Дзержинский Избранные произведения в двух томах. Т.1. М., 1977. С.14.

20. Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году //Ф.Э. Дзержинский. Избранные произведения. Изд. 3-е, перераб. и доп., Т.1. М., 1977. С.43.

21. Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Изд. 4-е, доп. М., 1982. С.51.

22. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.19-20.

23. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.22.

24. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.24.

25. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 36.

26. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.37.

27. Феликс Дзержинский. Дневники и письма. М., 1984. С.38.

28. Войткевич-Кржижановская М. О себе он не думал //Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С.47.

29. Кошутский Б. В начале пути. //Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С.43-44.

30. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.54.

31. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.55-56.

32. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.58-59.

33. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.50.

34. Зубов Н. Ф.Э. Дзержинский. Биография. Третье изд., доп. М., 1971. С.55.

35. Варский А.Е. Товарищ Юзеф. // О Феликсе Дзержинском: Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С.32.

36. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.64-66.

37. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.62.

38. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.68.

39. Красный Ю. В тюрьме. // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 91.

40. Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского. Изд. 4-е, доп. М., 1982. С.89.

41. Варский А.Б. Товарищ Юзеф.// Рыцарь Революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С.62.

42. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.173.

43. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С.94.

44. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С.100.

45. Дзержинская Я.Г. Это навсегда осталось в памяти //Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С.108-109.

46. Френкель Д.М. Освобождение из Бутырской тюрьмы. // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1987. С.47.

47. Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С.260.
48. Френкель Л.М. Освобождение из Бутырской тюрьмы //О Феликсе Дзержинском... С. 47-48.
49. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С.274.
50. Большакова Т. Месяц в Джанетовке //Урал. 1982. №5. С.168-169. Савинова Т. Н. Два года Италии – или два месяца кумыса //Гостиный двор. 1995. №3. С. 218-220.
51. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С.275.
52. Зубов Н. Ф.Э. Дзержинский. Биография. 3-е, доп. изд. М., 1971. С.193. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб, 2006. С.76.
53. Про Фелікса Едмундовича Дзержинського. Киев, 1977, С. 294-298.
54. Дзержинский Я. Мой отец, каким я его помню // Рыцарь революции... С.182.
55. Дзержинский Я. Мой отец, каким я его помню // Рыцарь революции... С.183.
56. Равич Н.А. «Революционер должен мечтать..». // О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском... С.143-144.
57. В.И.Ленин и ВЧК. С.333.
58. Ф.Э.Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.193.
59. Тихомолов С.Г. Восемь лет с Дзержинским. // О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском... С.170
60. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1954. С.90.
61. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С.361-362.
62. Вопросы истории. 1989. №4. Цит. по: Плеханов А. «ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921-1928».
63. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.292.
64. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.319-320.
65. Герсон В.И., Беленький А.Я. Первый чекист // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1987. С.158.
66. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.455-456.
67. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С.454-456.
68. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С.454.
69. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.591.
70. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.668.
71. Фомин Ф.Т. Человечность, скромность, доброта. // О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском... С. 324.
72. Фомин Ф.Т. Человечность, скромность, доброта.. //О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском... С. 324.
73. Фомин Ф.Т. Человечность, скромность, доброта.. // О феликсе Эдмундовиче Дзержинском... С. 324-326.
74. Некрасов В. Тринадцать «железных» наркомов: Художественно-документальное повествование. М., 1995.С.95-96; У известного исследователя Плеханова в сборнике документов под его редакцией копия данного документа дана частично и с неверной датировкой 1926 г. //Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.668.

75. Шмераль Б. Его последняя речь // Рыцарь революции. С.320-321.; Правда. 1926. 21 июля.
76. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М.,1975. С.438-439.
77. Герсон В.И., Беленький А.Я. Первый чекист// О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1987. С.159; Комсомольской правда. 1926. 20 июля.
78. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926. / Сост.А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С.670.

References

1. V.N. Speranskij o Dzerzhinskom-gimnaziste. //Russkaja zhizn'. 2009. 29 janvarja.
2. Gul' R. Dzerzhinskij. M., 1992. S.8-9.
3. Gul'binovich A. Na zare rabocheho dvizhenija. // Rycar' revoljucii. Vospominanija sovremennikov o Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom. M., 1967. S.49.
4. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik i pis'ma. M., 1956. S.8.
5. Proletarskaja revoljucija. 1926. № 9. S.58.
6. Feliks Jedmundovich Dzerzhinskij: Biografija / Redkol. A.S. Velidov i dr. — 3 – e izd., dop. — M., 1987. S.28. Gul' R. Dzerzhinskij. M., 1992. S.18.
7. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik i pis'ma. M., 1956. S.88.
8. O ssylke bolee podrobno sm.: Rat'kovskij I.S. Pervaja ssylka Dzerzhinskogo// Rossija v HH veke: chelovek i vlast'. Sb.statej / Otv. red. M.V. Hodjakov //Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU. Tom 14. SPb., 2013.
9. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik i pis'ma. M., 1956. S.89.
10. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik i pis'ma. M., 1956. S.89.
11. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik i pis'ma. M. 1956. S. 95.
12. Dzerzhinskij: begstvo iz Vjatskih lesov. //Vjatskij kraj. 2012. 11 sent.
13. Dzerzhinskij F.Je. «Ja vas ljublju...»: Pis'ma Feliksa Dzerzhinskogo Margarite Nikolaevoj. Podg. teksta, sost. i vstup. st. A.A. Plehanova i A.M. Plehanova. M., 2007. S.146, 163.
14. Dzerzhinskij F.Je. «Ja vas ljublju...»: Pis'ma Feliksa Dzerzhinskogo Margarite Nikolaevoj. Podg. teksta, sost. i vstup. St. A.A. Plehanova i A.M. Plehanova. M., 2007. S.174.
15. Dzerzhinskij F.Je. «Ja vas ljublju...»: Pis'ma Feliksa Dzerzhinskogo Margarite Nikolaevoj. Podg. teksta, sost. i vstup. St. A.A. Plehanova i A.M. Plehanova. M., 2007. S.197-198.
16. Dzerzhinskij F.Je. «Ja vas ljublju...»: Pis'ma Feliksa Dzerzhinskogo Margarite Nikolaevoj. Podg. teksta, sost. i vstup. st. A.A. Plehanova i A.M. Plehanova. M., 2007. S.200.
17. Dzerzhinskij F.Je. «Ja vas ljublju...»: Pis'ma Feliksa Dzerzhinskogo Margarite Nikolaevoj. Podg. teksta, sost. i vstup. st. A.A. Plehanova i A.M. Plehanova. M., 2007. S.204.
18. Cit po. Hackevich A.F. Soldat velikih boev. Zhizn' i dejatel'nost' F.Je. Dzerzhinskogo. Izd. 4-e, dop. M., Minsk, 1982. S.42. Nauka i Zhizn'. 1970. №2. S.14.
19. Avtobiografija F.Je. Dzerzhinskogo. //F.Je. Dzerzhinskij Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah. T.1. M., 1977. S.14.
20. Zametki o partijnoj rabote v Varshave v 1899 godu //F.Je. Dzerzhinskij. Izbrannye proizvedenija. Izd. 3-e, pererab. i dop., T.1. M., 1977. S.43.

21. Hackevich A.F. Soldat velikih boev. Zhizn' i dejatel'nost' F.Je. Dzerzhinskogo. Izd. 4-e, dop. M., 1982. S.51.
22. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.19-20.
23. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.22.
24. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.24.
25. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S. 36.
26. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.37.
27. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik i pis'ma. M., 1984. S.38.
28. Vojtkevich-Krzhozhanovskaja M. O sebe on ne dumal //Rycar' revoljucii. Vospominanija sovremennikov o Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom. M., 1967. S.47.
29. Koshutskij B. V nachale puti. //Rycar' revoljucii. Vospominanija sovremennikov o Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom. M., 1967. S.43-44.
30. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.54.
31. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.55-56.
32. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.58-59.
33. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.50.
34. Zubov N. F.Je. Dzerzhinskij. Biografija. Tret'e izd., dop. M., 1971. S.55.
35. Varskij A.E. Tovarishh Juzef. // O Felikse Dzerzhinskom: Vospominanija, ocherki, stat'i sovremennikov. 2-e izd., dop. M., 1987. S.32.
36. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.64-66.
37. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.62.
38. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.68.
39. Krasnyj Ju. V tjur'me. // Rycar' revoljucii. Vospominanija sovremennikov o Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom. M., 1967.S. 91.
40. Hackevich A.F. Soldat velikih boev. Zhizn' i dejatel'nost' F.Je. Dzerzhinskogo. Izd. 4-e, dop. M., 1982.S.89.
41. Varskij A.B. Tovarishh Juzef.// Rycar' Revoljucii. Vospominanija sovremennikov o Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom. M., 1967. S.62.
42. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.173.
43. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M., 1975. S.94.
44. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M., 1975. S.100.
45. Dzerzhinskaja Ja.G. Jeto navsegda ostalos' v pamjati //Rycar' revoljucii. Vospominanija sovremennikov o Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom. M., 1967. S.108-109.
46. Frenkel' D.M. Osvobozhdenie iz Butyrskoj tjur'my. // O Felikse Dzerzhinskom. Vospominanija, ocherki, stat'i sovremennikov. M., 1987. S.47.
47. Feliks Dzerzhinskij. Dnevnik zakljuchennogo. Pis'ma. M., 1984. S.260.
48. Frenkel' L.M. Osvobozhdenie iz Butyrskoj tjur'my //O Felikse Dzerzhinskom... S. 47-48.
49. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M., 1975. S.274.
50. Bol'shakova T. Mesjac v Dzhanelovke //Ural. 1982. №5. S.168-169. Savinova T. N. Dva goda Italii – ili dva mesjaca kumysa //Gostinyj dvor. 1995. №3. S. 218-220.
51. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M., 1975. S.275.
52. Zubov N. F.Je. Dzerzhinskij. Biografija. 3-e, dop. izd. M., 1971. S.193.
53. Rat'kovskij I.S. Krasnyj terror i dejatel'nost' VChK v 1918 g. SPb, 2006. S.76.
54. Dzerzhinskij Ja. Moj otec, kakim ja ego pomnju // Rycar' revoljucii... S.182.
55. Dzerzhinskij Ja. Moj otec, kakim ja ego pomnju // Rycar' revoljucii... S.183.
56. Ravich N.A. «Revoljucioner dolzhen mechtat'..». // O Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom... S.143-144.

57. V.I.Lenin i VChK. S.333.
58. F.Je.Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.193.
59. Tihomolov S.G. Vosem' let s Dzerzhinskim. // O Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom... S.170
60. Vospominanija o V.I. Lenine. M., 1954. S.90.
61. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M., 1975. S.361-362.
62. Voprosy istorii. 1989. №4. Cit. po: Plehanov A. «VChK-OGPU v gody novoj jekonomicheskoj politiki 1921-1928».
63. F.Je. Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU. 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.292.
64. F.Je. Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU. 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.319-320.
65. Gerson V.I., Belen'kij A.Ja. Pervyj chekist // O Felikse Dzerzhinskom. Vospominanija, ocherki, stat'i sovremennikov. M., 1987. S.158.
66. F.Je. Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU. 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.455-456.
67. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M., 1975. S.454-456.
68. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M., 1975. S.454.
69. F.Je. Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU. 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.591.
70. F.Je. Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU. 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.668.
71. Fomin F.T. Chelovechnost', skromnost', dobrota. // O Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom... S. 324.
72. Fomin F.T. Chelovechnost', skromnost', dobrota.. //O Felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom... S. 324.
73. Fomin F.T. Chelovechnost', skromnost', dobrota.. // O felikse Jedmundoviche Dzerzhinskom... S. 324-326.
74. Nekrasov V. Trinadcat' «zheleznyh» narkomov: Hudozhestvenno-dokumental'noe povestvovanie. M., 1995.S.95-96; U izvestnogo issledovatelja Plehanova v sbornike dokumentov pod ego redakciej kopija dannogo dokumenta dana chastichno i s nevernoj datirovkoj 1926 g. //F.Je. Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU. 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.668.
75. Shmeral' B. Ego poslednjaja rech' // Rycar' revoljucii. S.320-321.; Pravda. 1926. 21 ijulja.
76. Dzerzhinskaja S.S. V gody velikih boev. M.,1975. S.438-439.
77. Gerson V.I., Belen'kij A.Ja. Pervyj chekist// O Felikse Dzerzhinskom. Vospominanija, ocherki, stat'i sovremennikov. M., 1987. S.159; Komsomol'skoj pravda. 1926. 20 ijulja.
78. F.Je. Dzerzhinskij — predsedatel' VChK-OGPU. 1917-1926. / Sost.A.A. Plehanov, A.M. Plehanov. M., 2007. S.670.